

(Воспоминания Каюма Надеева, уроженца
села Татарская Свербеевка)

(Продолжение, начало в номере за 14 октября 2016 года)

МАМА МНОГОЕ УМЕЛА ДЕЛАТЬ

Достойным помощником отца в семье была мать. В его отсутствие она выполняла все мужские обязанности по хозяйству. Зимними вечерами до глубокой ночи они с бабушкой просиживали за прялками. Прялки были примитивными. На них пряли шерсть, лен, коноплю. А сколько труда вкладывали, чтобы от стеблей конопли и льна получить волокно, нужное для пряжи! В те годы, особенно в годы гражданской войны и НЭПа, хозяйство было натуральным: что производили, то и употребляли. Очень трудно было с промышленными товарами. Не было денег, чтобы купить нам одежду и обувь. Носили мы полушубки, валенки собственного производства.

Хорошо помню такой случай. Я ходил в третий класс, старший брат уже окончил школу и помогал отцу на извозе. Наступила весна. Днем уже в валеной обуви ходить в школу было нельзя. А сапог или ботинок у нас не было. Мы сидели за столом с братом Вяли и готовили уроки, старшая сестра Хакимья что-то шила, бабушка сидела за прялкой. А матери до завтра нужно было сплести мне лапти, иначе в школу идти будет не в чем. И вот мать плетет лапти и негромко поет свою любимую песню. Она знала много песен. Вдруг заготовки лаптей полетели на пол, мать побежала в чулан и разрыдалась. Не выдержала. Бабушка с Вяли постарались успокоить ее, и вскоре она вновь села за работу — лапти были нужны к утру. Этому ремеслу научился и Вяли. Он тоже начал плести лапти. Моя мать умела и сапожничать, подшивала валенки, сама готовила дратву из суровых ниток и смолы. На ее руках часто можно было видеть следы от смолистой дратвы.

Время шло, мы подрастали. Али стал совершеннолетним. Его собирались женить. Старшая сестра уже была замужем. У Али-абыя была любимая девушка Фатима. Ее отец и моя бабушка были родными и носили одну фамилию — Надеевы. Мы все знали, что Али и Фатима встречались на вечеринках, вместе приходили к нам домой. Помню, как-то раз она была у нас в гостях. В тот вечер родители зарезали гусей, и девушки обдирали перья и пух с птицы, а наутро опаливали ее над костром. Она стала нам как родная — мы все ее очень уважали.

ПОПОРЧЕННОЕ ПЛАТЬЕ

Но весной 1927 года почему-то послали сватов к Ариковым, засватывать их дочь Равзу.

Али-абый, кажется, сначала был против, но его, видимо, уговорили мать и сестра Шарифья, ведь Равза была из состоятельной семьи. Ариковы были в почете на селе, имели несколько лошадей, держали батрака. У них был хороший, плодоносящий сад, на гумне всегда красовались необмолоченные скирды. Одним словом, через день или два назначили смотрины жениха. Таков был обычай. В начале мая смотрины невесты состоялись у нас, было много гостей с обеих сторон, подносили подарки друг другу. От будущей невесты мне достались брюки фабричной работы. До сих пор я носил штаны из домотканой материи. Все шло хорошо. Моя вторая сестра Хакимья-абстай несколько дней находилась в гостях у невесты с рукодельем, и они подружились. Чтобы выглядеть «не хуже» других, для сестры во временное пользование взяли несколько платьев у соседки. У нее были очень модные для того времени наряды и очень шли моей сестре. Она нарядилась и пошла с гостинцами к нашим новым сватам в гости на неделю. Я уже не помню, сколько она там побыла, но вернулась очень довольная. Платья отнесли. Вдруг через день или два соседка со слезами и криком ворвалась к нам в дом и бросила все свои платья на стол: «Забирай их, они мне не нужны. Все испорчены — порезаны ножницами, заплатите мне деньгами!» В доме поднялся шум, сестра заплакала. Это было невероятно, но факт. Все четыре платья были попорчены ножницами, носить их было уже нельзя. Бабушка с матерью долго уговаривали соседку, после чего та забрала свои платья, так как любила нашу Хакимю, к тому же была состоятельной — муж хорошо зарабатывал на торговле мануфактурой. Дело замяли.

КАЛЫМ

Вскоре после этого скандального случая наша будущая невестка убежала из дома с другим парнем. Осенью того же года засватали за Али уже его любимую девушку. Если Ариковы за свою дочь не назначали калыма, то отец Фатимы прилично обобрал наших родителей. Но делать было нечего: сына надо женить на любимой девушке. Чтобы заплатить калым, продали корову, молодого жеребца, всю осень и зиму отец с сыном-женихом пропадали в городе Коврове на заработках. В мае сыграли свадьбу. Однако не суждено было им прожить до конца своей жизни вместе. В мае 1940 года Фатима умерла в Ногинске при родах. Али женился на сестре жены Эсме, ей было всего 14 лет.

НА ИЗВОЗЕ

Весной 1930 года, после окончания весенних полевых работ, отец с другими односельчанами нашел в Коврове, где он чаще всего бывал раньше, подряд на прокладке железнодорожной ветки на известковый завод. Это место находилось от Коврова километрах в десяти. Ехали мы туда несколько дней гужевым транспортом на двух лошадях. Нас было трое — старшие братья и я. Проселочными дорогами и большаками мы добирались до Коврова через Лукояново, Арзамас и Муром. Переправлялись через Оку на пароме — через крупные реки мостов тогда не было. Ночевали где попало, но обязательно у озера или речушки. Около телег располагались на ночлег, кипятили в ведре чай, чаще даже похлебку, рано утром срывались с места и ехали дальше. Лошадям давали овес. Они тогда вволю паслись на сочной траве, были

хорошо упитаны. В том же году я впервые увидел автомашины, когда мы пересекли дорогу Москва — Нижний Новгород. Я с восхищением провожал глазами пронсящие мимо автомобили.

Прокладка железнодорожного полотна подходила уже к концу, и мы приступили к работе на другой же день. Жили в тесовом сарайчике, можно даже сказать, в летнем бараке, спали на нарах, готовили пищу под открытым небом, от населенного пункта находились в 3-4 километрах. Места были красивые, кругом леса, а рядом обжигали камень на известку. Я часто ходил туда. Камни-известняки складывали в виде огромной русской печи, а под ней разжигали костер, и несколько дней этот костер горел, а камни превращались в известь. Рабочие орудовали ломом и кирками, все работы производились вручную. Я не видел ни одного даже простейшего механизма, кроме вагонеток, на которых подвозили камни.

Время от времени мы ходили в баню в соседнее село. Баня была очень чистая, в коридоре стояли столы с различными играми. Бильярд, шашки и шахматы я видел впервые.

Вскоре карьерные работы закончились, и нам надо было переезжать. Оказывается, наш бригадир уже позаботился об этом, нашел для нашей артели работу в городе Пекше.

Туда мы приехали по железной дороге в теплушке.

Мы начали земляные работы по сооружению в центре города большого пруда для завода. Источником для водоема были роднички с холодной и вкусной водой — тут же, где мы брали грунт.

В нашем бараке для рабочих была организована школа по ликвидации неграмотности. Это была так называемая культурная революция.

В нашей бригаде не было неграмотных, все когда-то окончили начальную школу, умели читать и писать по-русски, но ходили на занятия по воскресеньям охотно. Учителем был рябенький, но красивый и стройный молодой человек из татар. Между прочим, большинство татар имели следы жестокой оспы. Я тоже болел оспой в тяжелой форме, и когда после выздоровления впервые вышел на улицу, то не узнал своего друга — соседа Каюма. Лицо его было испещрено оспинами. А вот меня эта участь миновала, потому что во время болезни мне связали руки, чтобы я не расцарапывал лицо. Оспы очень чешутся, больные стараются отрывать их с лица и поэтому становятся рябыми. В начале сентября мы направились на «чугунку» в Шуйский район. Там прокладывали железнодорожную ветку от города Шуи до города Южи Ивановской области. Накануне зимы приехал отец, а Али уехал домой — там его ждала молодая жена. Жили мы в селе Травино. Чистенькое, аккуратное село, мне понравилось. Окружали его лесные уголья. Огородов у них в селе не было, зато в округе были луга, там паслись коровы, лошади. Картошку сажали в поле, выращивали рожь и ячмень. И больше ничего. О фруктовых садах вообще не было слышно. В конце ноября отец отправил меня домой вместе с односельчанами, которые не захотели оставаться на зиму. Сам же вместе с Вяли (и еще несколько семей) остался и всю зиму работать там. Вернулись они только весной 1931 года.

(Продолжение в следующем номере)